

Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (82). С. 152–158.
Humanitarian Researches. 2022;2(82):152–158.
Научная статья
УДК 82

**Своеобразие художественного мышления Г. Грина:
к постановке вопроса**

Кёнуль Тельман гызы Абдурахманова

Бакинский славянский университет, Баку, Азербайджан, sali13@list.ru

Аннотация. В последние годы всё чаще появляются в свет статьи, монографии и диссертации, посвящённые творчеству выдающихся европейских писателей. Особое внимание литераторов, как правило, приковано к тем художникам слова, которые творили на стыке двух направлений: реализма и модернизма, неorealизма и экзистенциализма и т.д. К одним из них и относится Грэм Грин. В качестве предмета исследования взяты его известные романы, которых пронизывает индивидуально трактуемая писателем историко-философская концепция. Потому и закономерно, что все сюжетные линии сведены в работе именно к этой концепции (или модели). Тщательно подобраны цитируемые фрагменты, свидетельствующие об историческом фоне, на котором разворачиваются основные события в романах.

В работе отмечено, что при изображении действующих лиц Грин апеллирует к читательскому опыту. Изображенные автором фрагменты жизни действующих лиц читатель воспринимает, опираясь на опыт предшествующей литературы, и читательское воображение может как бы дорисовывать «недостающие» в повествовании возможные философские и исторические предпосылки сложившейся жизни персонажей и социальные формы их общения с миром.

Этот мотив красной нитью проходит сквозь оба романа. Конкретная социально-историческая обстановка во многом формирует характер (логику) человеческого мышления и стиль (формы) поведения. Общие законы социально-исторического развития общества имеют свою определенную логику, и человек как существо социальное всегда оказывается «втянут» в сферу определенной политико-исторической обстановки. В то же время это вовсе не препятствует философским рассуждениям действующих лиц.

Ключевые слова: художественное мышление, реализм, английская литература, Г. Грин, роман, модернизм

Для цитирования: Абдурахманова Кёнуль Тельман гызы. Своеобразие художественного мышления Г. Грина: к постановке вопроса // Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (82). С. 152–158.

Original article

The originality of G.Green's artistic thinking: to the formulation of the question

Kenul Telman gizi Abdurahmanova

Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan, sali13@list.ru

Abstract. The article is written on a topical topic. In recent years, articles, monographs and dissertations devoted to the work of outstanding European writers have been increasingly published. The special attention of writers, as a rule, is focused on those artists of the word who created at the junction of two directions: realism and modernism, neorealism and existentialism, etc. One of them is Graham Greene. His well-known novels, which are permeated by the historical and philosophical concept individually interpreted by the writer, are taken as the subject of research. Therefore, it is natural that all the storylines are reduced in the work to this concept

© Кёнуль Тельман гызы Абдурахманова, 2022

(or model). The quoted fragments are carefully selected, testifying to the historical background against which the main events in the novels unfold.

It is noted in the work that when depicting the characters, G. Green appeals to the reader's experience. The reader perceives the fragments of the life of the characters depicted by the author, relying on the experience of previous literature, and the reader's imagination can, as it were, complete the "missing" in the narrative possible philosophical and historical prerequisites for the current life of the characters and the social forms of their communication with the world.

This motif runs like a red thread through both novels. It should be noted that the specific socio-historical situation largely forms the character (logic) of human thinking and the style (forms) of behavior. The general laws of the socio-historical development of society have their own specific logic, and a person as a social being is always "drawn" into the sphere of a certain political and historical situation. At the same time, this does not prevent the philosophical reasoning of the actors at all.

Keywords: artistic thinking, realism, English literature, G. Green, novel, modernism

For citation: Abdurahmanova Kenul Telman gizi. The originality of G.Green's artistic thinking. to the formulation of the question. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;2(82):152–158. (In Russ.).

Человечество вступило в третье десятилетие XXI века. Оно ставит острые проблемы, главным образом связанные с эпохой глобализации и необычайным взлётом технологических инновационных средств, влекущих за собой новый виток коммуникации. Вместе с тем не ослабевает интерес и к недавнему прошлому, в частности, в художественной литературе. Катастрофичность времени XX века заставляет ставить вопросы о судьбе человека в истории, о личной ответственности человека перед лицом истории в глобальных философских масштабах. Совершенно очевидно, что осмысление назначения личности в истории с историко-философских позиций – это поистине характерный знак XX столетия. Экзистенциальный тип сознания (а это главное в мировидении писателя) – характеристика не только историко-литературного, философского процесса XX века. Категории экзистенциального сознания становятся культурологическими категориями современности.

Прежде всего в самом начале подчеркнём, что с именем выдающегося английского писателя Г. Грина связано несколько известных так называемых «колониальных романов». Его многократно номинировали на Нобелевскую премию, однако весьма трудные отношения с властными структурами помешали её присуждению. Грэм Грин – автор более 20-ти объёмных романов, литературных эссе о поэтах и писателях, публицистических заметок, сборников стихотворений, автобиографической прозы, путевых очерков. Он также блестящий драматург, новеллист, талантливый критик и сценарист.

Говоря о его обширном наследии, необходимо подчеркнуть, что он начинает свой творческий путь в те сложные годы развития британской художественной литературы, когда в Европе пересматривали в буквальном смысле все традиционные каноны. Писатель черпал для себя новые сведения благодаря многочисленным путешествиям. Но с 1965 года он почти постоянно проживал во Франции, в Париже.

Дебют на литературном поприще состоялся в 1956 году. Литературоведы установили следующий факт: с «Тихого американца» доподлинно начинается первое знакомство массового русскоязычного читателя с творчеством Грэма Грина. Английское и – шире – мировое литературоведение тотчас же откликнулось на появление неизвестного до того писательского таланта. Можно сказать, что до сих пор интерес к Грину не утихает. Через 5 лет (1961) Грэм Грин пишет свой второй крупный роман – «Сила и слава». (Если следовать хронологии буквально, то первые главы этого романа появились в свет на родном языке в 1940-ом году. Однако на протяжении более чем двадцати лет писатель вносил в него существенные изменения. Поэтому и окончание сочинения датировано началом 1961 года). Через четыре года (1965) в свет выходит третий по счёту крупный роман Г. Грина «Суть дела».

Прежде всего укажем на то, что каждое новое поколение учёных как бы заново пыталось осмыслить секрет популярности Грэма Грина. В самом деле, литературоведы однозначно признают, что его романы отличаются особым своеобразием художественного мышления, которое формировалось, главным образом, в 1930-е годы.

В теории английского литературоведения отмечается, что к творчеству Грина в разные времена обращались такие видные русские и европейские исследователи, как С.Н. Филюшкина, В.В. Ивашева, А. Елистратова, А. Аникст, И. Анисимов, А. Елистратова,

П. Палиевский, Т. Ланина, Г.В. Аникин, Н. Эйшишкина, В. Зорин, Л.Г. Танажко, Л. Копелев, А. Лебедев и другие. Естественно, существует также и обширная англоязычная, то есть национальная критика.

Во многих работах ученых-литературоведов, например, В. Ивашевой отмечается, что «Грин всегда стремился к реализму [7, с. 112–113]. С годами социальный критицизм и сатира только усиливалась. Учёные к тому же всегда отмечали удивительное стиливое разнообразие его прозы.

Считалось, что Г. Грин долгие годы выступал в Великобритании как критический реалист, который «развивает в Великобритании лучшие нравы и традиции реализма Бронте, Диккенса, Теккерея и Харди. А такие романы, как «Суть дела», «Англия меня создала», «Сила и слава» и «Тихий американец» однозначно свидетельствуют о победе в его творчестве реализма» [2, с. 68–69].

С другой стороны, среди перечисленных и других литераторов, имеются и такие, которые рассматривают использование некоторых приёмов типизации с позиции модернизма. Правда, реалистическое начало чаще берёт верх; всё же в романах Г. Грина «порочен не вообще человек, а неправильно воспитанный», – пишет, к примеру, английский критик Мартин Грахам [11, с. 108].

Такого рода трактовки страдают идеологической односторонностью и во многом определены традиционной методологией. Между тем следует признать, что объектом его изображения далеко не всегда в произведениях являются «типические характеры» в «типических обстоятельствах». Следует также дополнительно констатировать, что и в вышеназванных романах наблюдается смешение художественных направлений.

Между тем, отход, образно выражаясь, от одного берега и прибытие к другому, не помешала Грэму Грину разработать собственную и обширную историко-философскую концепцию в наиболее лучших своих произведениях, таких как «Сила и слава», «Суть дела» и др. История даёт о себе знать в том плане, что нетрудно выявить связь романов Грина с различными этапами истории литературного развития. Точнее, с мифологической эпохой в литературе, и с эпохой Средневековья, и Возрождения, и Классического рационализма, и романтической эпохой, наконец, с современным писателю этапом развития английской литературы – с модернизмом. Философия же, в свою очередь, проявляет себя, по нашему предположению, в особом взгляде Г. Грина на мироздание и роль человека в различные периоды истории литературного развития. Тем самым с философских позиций Гринем показаны обусловленные этими представлениями формы и принципы изображения действительности. Они органично вплетаются в ткань повествования названных романов и служат неким инструментом для воссоздания историко-философской концепции мира и человека.

Не зря по этому поводу выше упомянутая В. Ивашева в другой своей работе заметила: «Этот (курсив наш) английский писатель очень сложный, он никогда не переставал тревожиться о рядовых людях, всюду стремился осознавать такие силы, которые его поступками управляют, одновременно определяя его судьбу. Вот почему мы смело можем утверждать, что Грин создаёт свой собственный микромир. И в нём, на наше усмотрение, ясно проступают черты конструируемой им специфической историко-философской концепции» [6, с. 11–12].

Примечательно, что эта концепция как бы формирует основы жанровой разновидности социально-психологических романов. Действительно, Г. Аникин и Н.П. Михальская по этому поводу писали, что «начиная с дебютного своего романа «Тихий американец» и некоторые последующие произведения Грина – это романы нравственные и вместе с тем социально-политические в известном смысле слова. Необходимо отметить, что практически всеми современными учёными-литературоведами абсолютно однозначно подчёркивается, во-первых, драматический характер творчества Грина. Во-вторых, как правило, добавляют, что эти драматические коллизии романов Грэма Грина позволяют нам говорить об особой историко-философской концепции» [4, с. 198–199].

Показательно, что интересующая нас концепция в такой степени синтезирует историю разных периодов с авторскими философскими сентенциями, что в особенности углубляет острейшие социально-политические конфликты эпохи, в которой жил и творил писатель. Оказывается, в них собственно политики даже меньше, нежели философии. Это тонко подметил английский литературовед Вильям Чейс: «Если попытаться определить концептуальную эллектику романов Грэма Грина «Сила и слава», «Суть дела» и некоторых других, то точнее всего следовало бы назвать их не политическими, а, во-первых, экзистенциальными, во-вторых, историко-философскими. Ибо в каждом из них Грэм Грин старается подтолкнуть своих

персонажей к «опасному пределу вещей». Причём, делает он это мастерски и с одной только ярко выраженной целью: лучше познать философско-нравственную суть самого человеческого деяния – подвига или преступления, при этом выяснить истинную цену личности» [9, с. 67–68].

К этим словам хотелось бы добавить высказывание критика О. Алякринского, который считал, что «экзистенциальная природа романов «Суть дела» и «Сила и слава», по справедливому размышлению облекается в форму притчи. Дело в том, что Грэм Грин – не столько бытописатель, сколько философ. Причём, в созданной им самим художественной системе мировидения он нередко опирается на точно выверенные исторические данные. Вот почему я полагаю, что два следующих друг за другом романа – «Сила и слава» и «Суть дела» – это в первую очередь притча, явленная в облике историко-философского и одновременно с тем социально-политического романа» [3, с. 241].

Как философскую притчу, основанную на историческом материале, определяет романы Грина «Суть дела» и «Сила и слава» также С. Аверинцев [1, с. 166]. А его мнение, в свою очередь, в наши дни разделяют и многие другие литераторы, анализирующие творчество Грэма Грина.

Первоначально отметим, что в романе «Сила и слава» Г. Грин прежде всего исследует исторический аспект существования личности: поднимает судьбоносные темы. Что именно новаторского предлагает Грэм Грин? Это крайне важно выяснить, так как с ними связаны реальные события истории 1930-х гг. в Мексике, точнее, в штате Табаско. А это есть основа романа.

В 1910–1917 годах в Мексике произошла буржуазная революция, в результате которой начались гонения на церковь. Грин создает в романе мир объективной действительности, опираясь на реальные факты. Однако изображение исторической действительности в романе дано обобщенно: из конкретных исторических деталей революции в Мексике в романе присутствуют разрушенные (в столице) или переоборудованные под другие нужды церкви (например, под казначейство в портовом городке), упоминание про «красно-рубашечников», установление так называемого «сухого закона», повальные преследования священников.

В таком изображении истории преобладает как бы внешний план: факты реальной исторической действительности в романе даны вне каузальных, причинно-следственных связей. Автор не исследует конкретные, исторические причины совершившейся революции: социально-экономические, политические; не рассматривается в романе также и вопрос, каковы результаты, следствия этой революции для различных социальных слоев. Не ставится вопрос и о том, кто совершил этот переворот, т.е. не рассматривается проблема движущих сил истории. Автор не даёт своей оценки совершившимся событиям – справедлива эта революция или нет, и по какой причине автор считает её таковой, хотя голос автора, его идейно-эмоциональная оценка в романе объективно всё же присутствует.

Социально-исторический, каузальный аспект изображения исторических событий, принятый в традиционном повествовании европейской литературы XIX века, в романе отсутствует. Всё то, что было открыто историками и писателями в XIX веке: понятие об историзме, социально-исторической детерминированности причин и следствий в историческом движении, в отношениях и связях между людьми в этом движении, – то, что стояло в центре основного интереса писателей – классических реалистов в XIX в. – оказывается вне поля авторского внимания. Справедливо указывает С.Н. Филюшкина, что исторический и местный колорит в романе служит, главным образом, не для конкретики изображения, а в целях создания атмосферы изображаемых событий. Она фиксирует: «Анализа политической ситуации в романе почти что нет... Реальные факты мексиканской действительности, например, разрушение храмов в Табаско, превращение их в конюшни, казармы, спортивные площадки, походы «красно-рубашечников», писатель использует для создания *обобщенного образа мира насилия*, реально подавляющего человека... Этим же целям писатель искусно подчиняет и изображение природных примет Мексики, среди которых выделяются наиболее отталкивающие – крысы, стервятники, нестерпимая жара, изнуряющие дожди. При этом автор усиливает эти детали, прибегая к красноречивым метафорам и сравнениям, призванным усугубить *атмосферу жестокости, разрушения, не стихающей борьбы*» [8, с. 22–23].

Спрашивается, что же тогда английский писатель предлагает читателям взамен? Прежде всего сконструированную им самим историко-философскую концепцию (или модель). Как и любая серьёзная концепция, она, естественно, требовала выработки определённых подходов к литературным образам, реальной действительности и прошлому. Так, в центре

внимания Грина оказался человек, его субъективное «я». Но в каждом из романов подходы носили индивидуальные отличия.

В «Силе и славе» авторский интерес по большей части был «привязан» к историческому переходу, сменой власти и обусловлен в основном тем, что любой катаклизм обостряет жизненную ситуацию человека, обнажая его духовную суть; заставляет проявить творческую активность, определиться в своей позиции по отношению к жизни. В романе это происходит через осознание своей свободы, духовных основ понять своё призвание, сделать личный выбор – то есть избрать свою судьбу.

Это и есть один из самых главных подходов в означенной нами концепции. Вот почему и идейную направленность романа, по определению Дон Ванна, можно выразить словами: «...такого рода сюжетные перипетии и переходы читатели обнаруживают буквально повсюду» [10, с. 77–78]. Примечательно, что от этих подходов отпочковываются и другие варианты. Укажем на них. В таком аспекте автором исследуется судьба отдельных действующих лиц романа. Самое главное, что интересует автора, как меняется в этих событиях сам человек? Что изменяется в его сознании, как меняется его мышление? Именно через умение человека осознавать своё существование зависит целиком и полностью также и выбор судьбы. Ведь Грэм Грин исследует историю, то есть исторический аспект существования человека.

Как видно из произведений Г. Грина, конкретная социально-историческая обстановка во многом формирует характер (логику) человеческого мышления и стиль (формы) поведения. Общие законы социально-исторического развития общества имеют свою определенную логику, и человек как существо социальное всегда оказывается «втянут» в сферу определенной политико-исторической обстановки.

Как указывает писатель, человек не может и не должен быть абсолютно задан внешними условиями жизни, каковыми и являются по сути конкретные социально-исторические обстоятельства, осложнённые целым рядом филиппик философской направленности. Как следует из романов Грина в целом, жить только лишь внешней заданностью, определять смысл своей жизни внешними параметрами, привычными формами существования – это означает перейти на уровень животного самосознания, жить рефлекторно.

«Человек по природе своей историчен, читаем мы в одной из критических работ. В истории он в сущности носитель свободы, серьезных решений и независим от иного мира, так как это есть, по правде сказать, прямая экзистенция, дух» [5, с. 111–112].

Историческая ситуация рассмотрена в «Силе и славе» как данность, факт совершающихся исторических перемен, исторический переход от системы одних общественных отношений – к другим. Это своего рода фон, на котором разворачивается, проявляет себя подлинно историческое начало – духовные искания персонажей.

Например, главным местом действия романа «Сила и слава» является один из мексиканских штатов. Автор разворачивает широкую панораму памятников в Мексике. Главной достопримечательностью становятся церкви. Однако они все поголовно разрушены, и выясняется, что разрушенные церкви становятся многозначным символом: это и знак разрушения духовного центра, духовной свободы; и символ разрушения пространственной вертикали – связи людей с Богом. Но верный своей историко-философской концепции, Грин показывает, что в романе это ещё и символ разрушения старой, фарисейской церкви – ортодоксальной католической веры.

Столица Мексики воспринимается как обитель запретов, страха, несвободы: в городе введен комендантский час, в домах жителей производятся обыски; улицы пустынные – жители боятся новой власти. Так, помимо разрушенных церквей, центром столицы становится прежде всего тюрьма, но не со знаком минус, а со знаком плюс. Поясним. Именно тюрьма оказывается местом духовной свободы, самым живым (и оживленным) местом: здесь кипят страсти, люди спорят о сущности жизни, о Боге, о человеческой свободе и её границах.

Исторический ландшафт с такими, казалось бы, странными артефактами, как разрушенные церкви и тюрьма, где не столько содержатся опасные преступники, сколько кипит жизнь, становится также местом философских размышлений автора романа. Немаловажным духовным звеном здесь являются носители ортодоксальной католической религии, например, обычные жители столицы. Они ощущают штат как замкнутое, ограниченное пространство свободы. Философия Грина удивительным образом скрещивается с историей. А именно: в ирреальном мире жители штата являются свободными. Но, оказывается, что это их далёкое историческое прошлое, когда они жили радужными надеждами. В реальном же мире свобода становится, скорее, синонимом их «заброшенности», одиночества.

Таким образом, Грэм Грин является одним из писателей, который творил на стыке двух направлений: реализма и модернизма. При изображении действующих лиц Г. Грин апеллирует к читательскому опыту. Изображенные автором фрагменты жизни действующих лиц читатель воспринимает, опираясь на опыт предшествующей литературы и читательское воображение, опираясь на детали повествования, может как бы дорисовывать «недостающие» в повествовании возможные философские и исторические предпосылки сложившейся жизни персонажей и социальные формы их общения с миром. Этот мотив красной нитью проходит сквозь романы писателя.

Список источников

1. Аверинцев С.С. Послесловие к публикации романа «Сила и слава» // Иностранная литература. 1987. № 2. С. 163–171.
2. Аллен Уолтер. Традиция и мечта. Москва : Просвещение, 1970. 192 с.
3. Алякринский О.А. Опыт о человеке // Новый мир. 1988. № 5. С. 238–245.
4. Аникин Г.В., Михальская Н.П. История английской литературы. Москва : Высшая школа, 1975. 378 с.
5. Грин Грэм. Сила и слава; Суть дела: романы. Москва : Художественная литература, 1989. 564 с.
6. Ивашева В.В. Большой художник и необыкновенный человек // Г. Грин. Избранные произведения: в 2-х томах. Москва, 1986. Т. 1. С. 5–4.
7. Ивашева В.В. Литература Великобритании XX века. Москва : Высшая школа, 1984. 264 с.
8. Филюшкина С.Н. Искусство Грина-романиста // Вестник Московского университета. Серия 10. Филология. 1969. № 4. С. 18–29.
9. Chace William M. Spies and God's Spies: Graham Greene's Espionage Fiction / ed. by Jeffrey Meyers, prof. // Graham Greene: A revaluation: New essays. New York : St. Martin's Press. 1990.
10. Don Vann J. Graham Greene. A Checklist of Criticism. Kentucky; Ohio : University of Kentucky Press. 1970. 214 p.
11. Martin Graham. Novelists of Three Decades: Evelyn Waugh, Graham Greene, C.P. Snow. // The Modern Ade / ed. by Boris Ford. Harmondsworth : Penguin Books. 1969. 211 p.

References

1. Averintsev S.S. Posleslovie k publikatsii romana «Sila i slava». Inostrannaia literature. 1987;(2):163–171.
2. Allen Uolter. Traditsiya i mechta. Moscow: Prosveshchenie. 1970:192.
3. Aliakrinskiy O.A. Opyt o cheloveke. Noviy mir. 1988;(5):238–245.
4. Anikin G.V., Mikhalskaya N.P. Istoriya angliyskoy literatury. Moscow: Vysshaya shkola. 1975:378.
5. Grin Grem. Sila i slava. Sut dela: romani. Moscow: Khudojestvennaia literature. 1989:564.
6. Ivasheva V.V. Bolshoy khudojnik i neobiknovenniy chelovek. G. Grin. Izbranniye proizvedeniya: in 2 volumes. Moscow. 1986;(1):5–24.
7. Ivasheva V.V. Literatura Velikobritanii XX veka. Moscow: Vysshaya shkola. 1984:264.
8. Filyushkina S.N. Iskusstvo Grina-romanista. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Filologiya. 1969;(4):18–29.
9. Chace William M., ed. by Jeffrey Meyers. prof. Spies and God's Spies Graham Greene's Espionage Fiction. Graham Greene A revaluation New essays. New-York: St. Martin's Press. 1990.
10. Don Vann J. Graham Greene. A Checklist of Criticism. Kentucky; Ohio: University of Kentucky Press. 1970:214.
11. Martin Graham. ed. by Boris Ford. Novelists of Three Decades: Evelyn Waugh, Graham Greene, C.P. Snow. The Modern Ade. Harmondsworth: Penguin Books. 1969:211.

Информация об авторе

Кёнуль Тельман гызы Абдурахманова – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

Kenul Telman gizi Abdurahmanova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 12.05.2022; принята к публикации 15.05.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 12.05.2022; accepted for publication 15.05.2022.